
ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Русская литература

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.31249/lit/2024.02.11

ПОДОСОКОРСКИЙ Н.Н.¹ ОТ ЛИКУРГА ДО НАПОЛЕОНА: ВЕЛИКИЕ ЗАКОНОДАТЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»[©]

Аннотация. Статья посвящена великим законодателям человечества, упомянутым в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866). Родион Раскольников, излагая следователю Порфирию Петровичу свою теорию о людях «необыкновенных», которым разрешается проливать кровь по совести, называет всего шесть легендарных имен установителей новых законов: Ликурга, Солона, Магомета, Кеплера, Ньютона и Наполеона. В статье исследуется, почему Раскольников назвал именно эти имена, и как они взаимосвязаны друг с другом в свете наполеоновского мифа, играющего основополагающую роль в судьбе героя. Показано, что Родион Романович весьма своеобразно оценивает то новое, что названные деятели принесли в мировую науку и политику, и совсем иначе строит свои отношения с судьбой, чем те, кому он, казалось бы, стремится подражать.

Ключевые слова: «Преступление и наказание»; теория Родиона Раскольникова; наполеоновский миф; Наполеон; Ньютон; Ликург; Солон; Кеплер; Магомет.

¹ Подосокорский Николай Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; p.podosokorskiy@gmail.com ; ORCID: 0000-0001-6310-1579

[©] Подосокорский Н.Н., 2024

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. От Ликурга до Наполеона : великие законодатели человечества в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2024. – № 2. – С. 153–174. – DOI: 10.31249/lit/2024.02.11

PODOSOKORSKY N.N.¹ From Lycurgus to Napoleon: the great legislators of mankind in F.M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*®

Abstract. The article is devoted to the great legislators of mankind mentioned in F.M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* (1866). Rodion Raskolnikov, expounding to investigator Porfiry Petrovich his theory about “extraordinary” people who are allowed to shed blood according to their conscience, names only six legendary names of the founders of the new laws: Lycurgus, Solon, Mahomet, Kepler, Newton and Napoleon. The article explores why Raskolnikov named these names, and how they are interconnected with each other in the light of the Napoleonic myth, which plays a fundamental role in the fate of the hero. It is shown that Rodion Romanovich evaluates in a very peculiar way the new things that these figures have brought to world science and politics, and builds his relationship with fate in a completely different way than those whom he seemingly seeks to imitate.

Keywords: *Crime and Punishment*; the theory of Rodion Raskolnikov; the Napoleonic myth; Napoleon; Newton; Lycurgus; Solon; Kepler; Mohammed.

To cite this article: Podosokorsky, Nikolai N. “From Lycurgus to Napoleon: the great legislators of mankind in F.M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2024, pp. 153–174. DOI: 10.31249/lit/2024.02.11 (In Russian)

Традиционно, когда речь заходит об идее Родиона Раскольникова о необыкновенных людях, которым разрешается проливать кровь по совести, исследователи называют ее «наполеоновской» и связывают эту теорию с наполеонизмом главного героя, которого,

¹ **Podosokorsky Nikolai Nikolaevitch** – Candidate in Philology, Senior Researcher; Research Centre “Dostoevsky and World Culture”, Institute for World Literature RAS; n.podosokorskiy@gmail.com ; ORCID: 0000-0001-6310-1579

© Podosokorsky N.N, 2024

по словам Свидригайлова, «Наполеон ужасно увлек, то есть, собственно, увлекло его то, что очень многие гениальные люди на единичное зло не смотрели, а шагали через, не задумываясь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 378]. Как писал В.Я. Кирпотин, «в процессе повествования Раскольников сосредоточивается только на Наполеоне. К образу Наполеона обращается он, чтобы объяснить свою идею Соне и Дуне. Ссылаются на Наполеона и Порфирий и Свидригайлов, чтобы определить свое отношение к Раскольникову. Имя Наполеона звучит колдовством, наваждением, оно излучает чары, оно тянет, оно приковывает к себе, как магнит» [Кирпотин, 1978, с. 370–371].

Однако первоначально имя Наполеона появляется в романе лишь в ряду других имен великих людей. Это происходит в самую первую встречу Раскольникова с Порфирием Петровичем, когда последний вынуждает героя разъяснить свою статью «О преступлении», написанную полгода назад. «По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре. Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей,

быть непременно преступниками, – более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки по природе своей, а по-моему, так даже и обязаны не соглашаться» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 199–200].

Из шести названных героем имен¹ сперва в качестве примера им указаны великие ученые Нового времени – открыватели физических законов Иоганн Кеплер (1571–1630) и Исаак Ньютон (1642–1727), а уже затем – политические законодатели и установители человечества: древнегреческие вожди Ликург и Солон, арабский пророк VII в. Магомет (Мухаммед) и император французов Наполеон I (1769–1821). Такое соседство не было странным для Достоевского, в записных тетрадах (1872–1875) которого, рядом со словами о явлении революций, была сделана характерная помета: «Аксиомы. Кеплеровы законы. Эмиграция дворянства» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 270]. Очевидно, что социальные и физические явления соединялись для писателя в истине высшего порядка.

Б.Н. Тихомиров в своей комментарии к роману отмечает, что «с одной стороны, Раскольников стремится обнять мыслью в своей теории всю всемирную историю человечества – древний мир и современность, восток и запад, претендуя на открытие универ-

¹ Число «шесть» вообще необычайно значимо для героя: каморка Родиона Романовича имеет «шесть шагов» в длину [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25]; про старуху-процентщицу, которую он убивает, сказано, что она «лет шестидесяти» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 8]; Дуня Раскольниковы в течение «шести недель» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 29] терпит грубости в доме Свидригайловых, потому что взяла у них жалованье наперед с тем, чтобы отослать «шестьдесят рублей» брату в Петербург [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 28]; младший брат Раскольниковы умер «шести месяцев» от роду [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 46]; в кошмаре героя про лошаденку в телегу Миколки «налезло человек шесть» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 47], а уже оседающую клячу со всех сторон принимают «в шесть кнутов» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 49]; про Раскольниковы также сообщается, что он ходит по улице «шесть часов» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 90] и столько же спит [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 100] и т.п. Кроме того, даже сам роман «Преступление и наказание» поделен автором на шесть частей. Это настойчивое обращение к шестерке в свете наполеоновской легенды (а в Наполеоне многие современники видели воплощение антихриста) может отсылать к «Откровению Иоанна Богослова», где это число связано с антихристом: «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13:18).

сального закона исторического прогресса; с другой стороны – его мысль базируется на фактах *внехристианской* истории» [Тихомиров, 2016, с. 290]. К этому замечанию Тихомирова можно сделать две существенных поправки: во-первых, всемирная история, по Раскольникову, странным образом исключает из себя историю российскую. В ряду имен великих законодателей и установителей человечества, на котором останавливается герой, слишком заметно отсутствие не только Владимира Святого или Ярослава Мудрого, но, в первую очередь, Петра Великого, переустановившего всю российскую государственность в начале XVIII в. «Как Спарта без Ликурга, так Россия без Петра не могла бы прославиться», – констатировал еще Н.М. Карамзин [Карамзин, 1984, с. 254]. Одним из первых на странное игнорирование Раскольниковым фигуры Петра Великого в разговоре о великих законодателях и преступниках обратил внимание проницательный Д.С. Мережковский: «Любопытно, что в перечне этом нет Петра, а кого бы, кажется, и упомянуть Раскольникову, “совершенно петербургскому”, петровскому типу, как не Петра?» [Мережковский, 2000, с. 263]. Можно предположить, что в данном случае писатель не стал касаться имен российских государей (Ивана Грозного, Петра Великого и др.) по цензурным соображениям, хотя вообще к фигуре Петра он обращался в своих произведениях многократно. По каким-то причинам нет в этом довольно усеченном ряду и имен других великих законодателей человечества: Моисея, Нумы Помпилия, Конфуция, Цезаря, Октавиана Августа, Юстиниана, Карла Великого и др.

Нельзя сказать и что все названные Раскольниковым имена относятся к сугубо внехристианской истории. Древние эллинские мудрецы, к числу которых принадлежит Солон, и в конце XVIII в. считались образцовыми установителями праведных и свободных законов. А.Н. Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790), сетуя об уничтожении Новгородской республики, взывал к именам Ликурга и Солона: «Время с острым рядом зубов смеется вашему кичению. Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы, вольность Афин и Спарты утверждавшие? – В книгах. – А на месте их пребывания пасутся рабы жезлом самовластия» [Радищев, 1988, с. 62]. Более того, уже в Средние века они были ус-

пешно интегрированы в православное сакральное пространство, став его произвольными адептами¹.

Иначе говоря, история может разделяться на христианскую и внехристианскую не строго по хронологии и формальной принадлежности к той или иной конкретной культуре, но по взгляду на нее человека, исходя из его верований, причем для многих верующих совершенно естественно смотреть на все мировое культурное наследие как на пронизанное их религией до самой глубины. Сложность в отнесении крупной исторической фигуры только к христианской или, наоборот, к внехристианской истории особенно хорошо заметна на примере Наполеона, который, с одной стороны, заслужил в российской церковной пропаганде славу антихриста, но, с другой стороны, он был крещен в католической вере еще в младенчестве, венчался в церкви, короновался римским папой, а незадолго до смерти на острове Святой Елены исповедовался и причастился Христовых Таин. Более того, именно Наполеон, придя к власти, вновь открыл христианские церкви во Франции, закрытые с началом революции, что вызвало большое сопротивление среди его ближайшего окружения.

В брошюре «Религиозные суждения Наполеона о божественности Иисуса Христа. Неопубликованные мнения, собранные на Святой Елене графом Монтолоном и изданные кавалером Ботерном», опубликованной в Париже в 1841 г., Наполеону приписывается следующее изречение относительно законов и религии:

¹ В качестве примеров такого включения античных мудрецов можно назвать их изображения в храме Св. Николая в городке Янина, расположенном на одноименном островке в греческом Эпире (1559–1560), в храме Девы-Вратарницы Иверского монастыря на Афоне (1683), в трапезной афонской лавры Св. Афанасия (1512) и проч., «где изображен целый ряд древнегреческих философов (Филон, Солон, Пифагор, Сократ, Гомер, Платон, Аристотель и другие)» [Дорофеев, 2020, с. 85]. Подобные примеры характерны и для Русской православной церкви. С 31 марта по 4 июня 2023 г. в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева проходила выставка «Эллинские мудрецы», на которой, в частности, были представлены изображения афинского законодателя Солона и языческого бога Зевса (а «Зевесом» саркастически называет себя в «Преступлении и наказании» сам Раскольников [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 38]), созданные в первой четверти XVIII в. для церкви Сельца-Карельского Удомельского района Тверской области. Солон был изображен в этой церкви с текстом пророчества о пришествии Христа, аналогично библейским пророкам.

«Магометанство, обряды Нумы, постановления Ликурга, политеизм, а также законы Моисея есть в большей степени творения законодательства, чем религии. В самом деле, каждый из этих культов относится более к земле, чем к небу. И потому, главным образом, связан с народом и интересами нации. И не очевидно ли, что истинная религия не может быть ограничена одной страной? Истина должна охватывать весь мир. Таково христианство – единственная религия, провозглашающая единство и абсолютное братство рода человеческого, единственная чисто духовная и, наконец, единственная которая определяет всем без различия в качестве истинного отечества лоно Бога-создателя» [Беседы императора, 2001, с. 132–133].

Таким образом, определения «внехристианский» и «всемирный» для описания общности имен законодателей, представленных в романе Достоевского, не вполне точны, поскольку имеют слишком заметные изъяны и требуют необходимых оговорок. Более того, сам ряд имен, сконструированный Раскольниковым, по своему уникален. Внешне он может напоминать другие похожие литературные и исторические перечисления, но никогда в точности не повторяет их. Например, в сочинении Ф. Бэкона «Опыты, или Наставления нравственные и политические» (1597) представлен ряд великих законодателей, которые «и после смерти управляют через посредство своих законов»: Ликург, Солон, Юстиниан, Эдгар [англо-саксонский король X в.], Альфонсо Кастильский, прозванный Мудрым [Бэкон, 1962, с. 137]. У Бэкона собственно *законодатели* названы также «вторыми основателями», которых он отделяет от «первых», т.е. от основателей государств, вроде Ромула, Кира¹, Цезаря, Османа и Исмаила [Бэкон, 1962, с. 137]. Очень похожий на раскольниковский список законодателей использовал в своем романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди,

¹ Кир Персидский упоминается в «Преступлении и наказании» в связи с тем, что знакомством с ним, по словам Мармеладова, завершилось все «образование» его дочери Сони в сфере истории [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16]. О значении Кира Персидского для сюжета романа частично говорила в своем докладе на II Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения», проведенной 28 февраля – 2 марта 2023 г. ИМЛИ РАН, Т.А. Касаткина. С тезисами ее выступления можно ознакомиться: [Касаткина, 2023, с. 245–246].

джентльмена» (1759–1767) английский писатель Л. Стерн: «<...> в рыбных прудах, сэр, есть нечто – а что именно, предоставляю открыть строителям систем и очистителям прудов сообща, – во всяком случае, когда вы охвачены первым бурным порывом раздражения, есть нечто столь неизъяснимо успокоительное в размеренной и чинной прогулке к одному из таких прудов, что я часто дивился, почему ни Пифагор, ни Платон, ни Солон, ни Ликург, ни Магомет и вообще никто из ваших прославленных законодателей не оставил на этот счет никаких предписаний» [Стерн, 1968, с. 262]. В списке Стерна, по понятным причинам, нет Наполеона (он еще не родился) и есть «лишние» Пифагор и Платон, а в остальном он повторяет ряд имен, выбранных героем «Преступления и наказания».

В еще одном перечне, содержащемся в письме Люсьена Шардона де Рюбампре, героя романа О. де Бальзака «Блеск и нищета куртизанок» (1838–1847), также создавшего теорию о двух видах людей: «потомстве Авеля» и «потомстве Каина», которых можно соотнести с «обыкновенными» и «необыкновенными» людьми из статьи Раскольникова, присутствуют имена Магомета и Наполеона, но отсутствуют – Ликурга и Солона. Кроме перечисленного выше, стоит упомянуть и цикл лекций английского историка Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1840), с которыми Достоевский был, вероятно, знаком. Однако в ряду героев, предложенном Карлейлем, находятся, помимо Магомета и Наполеона, также Данте, Шекспир, Кромвель и др.

Попробуем разобраться в том, что объединяет упомянутые Раскольниковым конкретные имена, отказавшись от искушения объяснить их случайным соседством, произвольно сформированным в сознании недоучившегося студента, или простым типологическим сходством с другими перечнями, представленными в произведениях вроде перечисленных выше.

Если из пары ученых-законодателей *Кеплер – Ньютон* Раскольников сразу же смещает центр внимания на последнего (Кеплер упоминается им единожды, а Ньютон – трижды: «Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан» и т.д.), то из четверки *Ликург – Солон – Магомет – Наполеон* поначалу выпадает Солон (его имя больше не упоминается), а затем – Ликург и Магомет (их имена упоминаются еще лишь один раз), отдавая абсолютную пальму

первенства Наполеону (всего это имя непосредственно упоминается в тексте романа тринадцать раз!). Фигуры Ньютона и Наполеона были особо близки Раскольникову, прежде всего тем, что они оба «сделали себя сами» (в отличие от Ивана Грозного, Петра Великого и других русских законодателей-правителей, к которым власть и слава пришли уже по праву их происхождения). К середине 1860-х годов, когда происходит действие «Преступления и наказания», в России так и не появились ни национальный Наполеон (так как декабристский мятеж 1825 г. был подавлен), ни свой Ньютон (об этом, в частности, Достоевский писал в записных тетрадах: «Укажут на Ломоносова, а разве Ломоносов не мертворожденное дитя? Что, утвердилась ли наука в России после него? Где Платоны и быстрые разумом Невтоны?») [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 269]), и стать кем-то из них мечтали многие честолюбивые студенты и молодые офицеры (о явлении петербургского наполеонизма тех лет см.: [Подосокорский, 2022б, с. 81–82]).

Сам Наполеон также чрезвычайно интересовался фигурой Ньютона. Немецкий философ Ф.В.Й. Шеллинг (1775–1854) в своей «Философии мифологии» (1856) со ссылкой на сопровождавших Бонапарта в его Египетском походе естествоиспытателей (среди которых им назван Жоффруа Сент-Илер) приводит такое неожиданное признание главнокомандующего французской армией: «Ну вот, я также стою во главе войска на пути в Индию, как и Александр, однако мне столь же приличествовал бы и иной путь к славе. Когда же его сопровождающие спросили его, какой именно, он ответил: Ньютон!» [Шеллинг, 2013, т. 1, с. 335]. Уже на острове Святой Елены Наполеон объяснял даже свою веру в Бога, в том числе тем, что верующими были такие авторитетные ученые, как Ньютон: «Мы, строго говоря, верим в существование Бога, поскольку всё вокруг нас свидетельствует о нем, и наиболее просвещенные умы верят в Бога: не только Боссюэ, избравший своей профессией веру в Бога, но и Ньютон и Лейбниц, которые занимались совсем другим» [Лас-Каз, 2010, с. 134].

Раскольников, как последователя Наполеона, в Ньютоне могла привлекать и абсолютная вера ученого в могущество ума. Как писал Н.А. Любимов в очерке «Ньютон. Характеристика» (1856): «Когда спрашивали Ньютона, каким путем достиг он великих открытий, которые кажутся превышающими силы ума челове-

ческого, то он отвечал, “я все думал об этом”, и потом прибавил подробнее: “я носил исследуемый предмет постоянно в уме, обращал его с различных сторон, пока наконец удавалось найти нить, которая приводила меня к ясному представлению”. Отвлеченная работа мысли поглощала все существо Ньютона. Его жизнь была последовательною сменою ученых размышлений, его развлечения состояли в переходе от занятий трудных к другим более легким. Предаваясь работе мысли, он забывал и сон и пищу; часто утром заставляли его сидящим пред рабочим столом в том же положении, в каком оставили вечером: погруженный в занятия, он и не замечал, как летели часы» [Русский вестник, 1856, с. 211]. Герой «Преступления и наказания» так же, как Ньютон и Наполеон, ценит в человеке, прежде всего, ум [Подосокорский, 2022б, с. 96–99] и обычно глубоко погружен в собственные мысли, что вызывает порой насмешки окружающих. Показателен в этом смысле его диалог со служанкой Настасьей:

«— Дура-то она дура, такая же, как и я, а ты что, **умник**, лежишь как мешок, ничего от тебя не видать? Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?

— Я делаю... — нехотя и сурово проговорил Раскольников.

— Что делаешь?

— Работу...

— Каку работу?

— **Думаю**, — серьезно отвечал он помолчав.

Настасья так и покатила со смеху. Она была из смешливых и, когда рассмешат, смеялась неслышно, колыхаясь и трясясь всем телом, до тех пор, что самой тошно уж становилось.

— Денег-то много, что ль, надумал? — смогла она наконец выговорить.

[Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 26–27].

Кроме того, и к Ньютону, и к Наполеону **успех пришел примерно в том же возрасте, в котором Раскольников совершает свое преступление** (герою Достоевского на момент убийства старухи 23 года [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 396]). Как пишет биограф Ньютона М. Уайт: «Год между летом 1665 года и летом 1666 года [Ньютону исполнилось 23 года как раз в декабре 1765 г. — *Н. П.*] с полным основанием называется annus mirabilis, годом чудес для Ньютона. В этот удивительный период он зало-

жил математическую основу своей теории тяготения и сформулировал три закона движения, ставшие фундаментом новой научной дисциплины – механики. Он также развил свои идеи в области оптических явлений, начал создавать свои первые телескопы и разработал дифференциальное и интегральное исчисления и еще один важный математический инструмент – биномиальную формулу, или бином Ньютона» [Уайт, 2022, с. 14]. Его дополняет П. Акройд: в этот период Ньютон «стоял на пороге великой революции в человеческом мышлении, которую позже назовут его именем. Ему постепенно начали приоткрываться тайны света и гравитации. Как сам он мимоходом заметил, “в те дни я был в расцвете изобретательского возраста и уделял математике и философии больше умственного внимания, нежели когда-либо после”» [Акройд, 2017, с. 37].

Наполеон же в возрасте Раскольникова был всего-навсего младшим офицером без внятных перспектив, нуждающимся в самом необходимом. Как и Раскольникову¹, ему пришлось в 23 года даже заложить свои часы (это произошло в Париже в 1792 г.), чтобы рассчитаться с набранными ранее долгами [Леви, 2006, с. 24]. Однако уже через год, в возрасте 24 лет, он отличился при взятии Тулона и в одночасье стал бригадным генералом. Мы не знаем, приходила ли ему в минуты отчаяния в голову мысль убить своего кредитора, но Раскольников полагал, что если бы такая мысль его все же всерьез посетила, то он бы ее реализовал со свойственной ему наполеоновской расчетливостью: «Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша, которую еще вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоровился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально и... и грешно? Ну, так я те-

¹ Раскольников в романе закладывает свои серебряные часы, доставшиеся ему от отца, старухе Алене Ивановне, когда идет делать «пробу» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 9].

бе говорю, что на этом “вопросе” я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покорило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!.. Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... по примеру авторитета... И это точь-в-точь так и было! Тебе смешно? Да, Соня, тут всего смешнее то, что, может, именно оно так и было...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 319].

Как бы то ни было, но в первую свою крупную военную кампанию в Италии, отличавшуюся грандиозным грабежом захваченных территорий, 28-летний генерал Бонапарт обратился к своим солдатам с характерным воззванием, в котором просматриваются и автобиографические нотки: «Офицеры! Солдаты! Вот уже два года я команду вами. Было время, когда вы находились на побережье Генуи, владели жалкое существование. У вас ничего не было, **и вам приходилось, чтобы выжить, все продавать – даже свои часы.** Я пообещал вам покончить с нищетой и повел вас в Италию. Там вы получили все, что только могли пожелать» [Троицкий, 2020, с. 222].

На первый взгляд, в изложении Раскольниковым своей теории присутствуют как бы два ряда имен: малый ряд законодателей и установителей человечества (Ликург, Солон, Магомет, Наполеон) и большой ряд «необыкновенных» или «великих» людей в целом, в который, помимо названных законодателей, также входят и ученые вроде Кеплера и Ньютона. Казалось бы, правители дают человечеству политические законы, а ученые – открывают законы физические, но и те и другие одинаково отвергают старые законы, которые за давностью лет могли считаться священными. На самом деле все было сложнее. Обратимся к тексту предисловия к «Истории Юлия Цезаря», написанной французским императором Наполеоном III (русский перевод этого труда вышел в 1865 г. и, по мнению ряда исследователей, именно он имеется в виду под книгой, ответом на которую стала статья Раскольникова [Тихомиров, 2016, с. 287]). Наполеон III, рассуждая о великих людях, ставит задачу «отыскать жизненный элемент, который составлял силу учреждения, и преобладающую идею, заставляющую человека

действовать» [Наполеон III, 1865, с. III]. Главная же цель его труда – «доказать, что Провидение возводит таких людей, как Цезарь, Карл Великий, Наполеон, для того, чтобы проложить народам путь, которому они должны следовать, запечатлеть их гением новую эру, и в несколько годов завершить работу многих столетий» [Наполеон III, 1865, с. VI]. То есть Наполеон III указывает на метафизическую надстройку в виде Бога и гения, без которой великие люди просто не могут состояться.

Все легендарные исторические фигуры, упомянутые Раскольниковым как представители разряда людей необыкновенных, обладали таким свойством. Ликург был обожествлен [Панченко, 2020, с. 675–676]¹ и начал свои реформы только после одобрения Дельфийского оракула [Печатнова, 2020, с. 56]. Согласно Плутарху, Ликург объявил Аполлона Пифийского «началом и источником своих преобразований» [Плутарх, 1994, с. 52]. Солон, причисляемый к сонму семи мудрецов, также вводил новые законы лишь после получения божественной санкции². Это было общеизвестно с древности и принималось в расчет лидерами Великой французской революции в преднаполеоновскую эпоху. Поэт и историк А. де Ламартин в своей «Истории жирондистов» (1847) приводит соответствующие слова М. Робеспьера, сказанные им в защиту культа Верховного Существа: «Мысль о Верховном Существо и о бессмертии души – непрерывное воззвание к справедливости; эта мысль в одно и то же время социальная и республиканская! (Аполлодисменты.) Мне неизвестно, чтобы какой бы то ни было законодатель решился когда-либо национализировать атеизм. Я знаю, что

¹ Немецкий историк Эдуард Мейер (1855–1930) восклицал: «Кто же этот Ликург? Единственное, что мы надежно о нем знаем, это то, что он был богом, который высоко почитался в Спарте, имел свой храм и ежегодный праздник жертвоприношений» [Печатнова, 2020, с. 37].

² Как пишет историк И.Е. Суриков: «Можно практически с полной уверенностью утверждать, что Дельфийское святилище в 594 г. до н.э., то есть, очевидно, уже сразу после окончания одной-двух летних кампаний первой Священной войны, поддержало законодательную и реформаторскую деятельность Солона. Тот не оставался в долгу и старался предпринимать ответные дружественные шаги. Так, по предположению ряда авторитетных исследователей, именно при Солоне в Афинах была учреждена коллегия экзегетов-пифохрестов, назначавшихся с санкции Дельфийского оракула и призванных толковать его прорицания» [Суриков, 2022а, с. 28].

мудрейшие из них позволяли себе даже примешивать к истине вымысел, чтобы действовать на воображение невежественных масс народа или усилить их привязанность к существующим учреждениям. Ликург и Солон прибегали к авторитету оракулов, и даже сам Сократ, желая заставить своих сограждан уверовать в истину, считал себя обязанным уверять их, что она была внушена ему божеством домашнего очага» [Ламартин, 2013, с. 413]. Пророк Магомет, по мнению его последователей, также создал новую религию после божественного откровения [Ибн Хишам, 2007, с. 93–94]. Наконец, Наполеон много раз говорил, что его ведет некая могущественная сила, делающая его неуязвимым и сверхудачливым. Обычно эту силу называют Гением, Звездой или Судьбой.

Поразительно, но в теории Раскольникова напрочь отсутствует этот важнейший элемент, побуждающий великих людей действовать. С точки зрения героя, речь идет не о божественной санкции, а о законе природы, который почти математически предопределяет отнесенность человека к тому или иному разряду. Хотя и здесь Раскольников сам себе противоречит. Он признается Соне: «Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил... Ну, понятно теперь?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 318]. То есть он хотел не раскрыть в себе изначально заложенный потенциал нового небывалого законодателя, но самовольно сделаться еще одним Наполеоном, как бы в обход закона природы, причем в его случае убийство старухи было совершено вовсе не ради благодеяний и спасения общества. Он говорит в другом месте: «Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? – так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон... Всю, всю муку всей этой болтовни я выдержал, Соня, и всю ее с плеч стряхнуть пожелал: я захотел, Соня, убить без казуистики, убить для себя, для себя одного! Я лгать не хотел в этом даже себе! Не для того, чтобы матери помочь, я убил – вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, все равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой

идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321–322].

Таким образом, изначально создав теорию о двух разрядах *людей*, Раскольников вовсе не останавливается на ней, идя дальше и деля людскую массу уже на разные типы *членистоногих* (в его лексиконе противопоставление «паук – вошь» заменяет прежнее «необыкновенные люди – обыкновенные люди»). В этом смысле важно обратить внимание, что характерным свойством всех необыкновенных людей, с точки зрения героя, является наличие «дара или таланта сказать в среде своей новое слово». Как будет показано далее, новый закон вовсе не обязательно должен был противоречить старому, точно так же, как и Новый Завет был дан Христом вовсе не для отмены Ветхого Завета, но для его исполнения. В самом начале «Преступления и наказания» герой говорит о том, что люди больше всего боятся нового шага и нового собственного слова, причем «новый» и «собственный» в его восприятии являются синонимами.

Все упомянутые Раскольниковым законодатели в главном не просто учреждали новые законы, но восстанавливали старые порядки так, как их понимали: Ликург взял за образец для Спарты более древние дорийские законы Крита [Шлоссер, 1868–1877, т. 1, с. 137–138]. Солон отменил многие жестокие законы тирана Драконта, за исключением наказания за убийство, и ликвидировал долговое рабство, также пытаясь вернуть сограждан к более древним и справедливым обычаям¹. «<...> многие законы Солона отразили не его собственные нововведения, а положения обычного права, архаичные традиционные нормы. В этом смысле вполне правомерно указание ряда исследователей на то, что выражение “законы Солона” обозначало фактически то же, что “законы Афин”, *Corpus iurus Atheniensium*» [Суриков, 2022б, с. 85].

¹ Симптоматично, что при этом Раскольников (одновременно и должник, и убийца) называет «преступником» Солона, освободившего должников, но решившего не отменять смертную казнь для убийц.

Магомет через создание ислама вернул народы Аравийского полуострова к позабытому единобожию. Как пишет В. Ирвинг: «Все его знания, все размышления, приводили его к твердому убеждению, что единая правая вера открыта была Адаму при создании, что она плодилась и процветала во дни невинности; и что эта вера проповедовала прямое, духовное поклонение истинному, единому Богу, Творцу вселенной. Он убежден был, что эта высокая и простая вера не раз бывала повреждена и унижена человеком, и особенно обезображена в идолопоклонстве; а потому пророки, вдохновенные божественным откровением, посылались один за другим через долгие промежутки времени, чтобы восстановить ее первобытную чистоту. Таковы были Ной, Авраам, Моисей; и таков, по его мнению, был Христос. Каждый из пророков восстанавливал на земле истинную веру, но их последователи снова ее искажали» [Ирвинг, 1857, с. 35–36].

Наполеон выступил в роли завершителя революции, восстановителя абсолютной монархии и христианской веры. Наконец Кеплер и Ньютон очистили науку от суеверий и открыли истинные физические законы, о которых частично было известно человечеству в древности.

Все эти законодатели являлись выразителями и проводниками чего-то высшего, о чем свидетельствовали сами. Раскольников же не только полностью игнорирует любую метафизику, но и прямо свидетельствует о своем конфликте с судьбой. Судьба для него не то, что определяет великий путь, помогает, ведет и дает силу, как в случае Наполеона, но то, что противостоит самой жизни, низводит героя в ничтожество: «Или отказаться от жизни совсем! – вскричал он вдруг в иступлении, – послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе всё, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 39].

Очевидно, что новый закон Раскольникова, прежде всего, противостоит закону Божьему, ибо сводится только к ощущению власти ради власти, хотя власть без ответственности и служения людям – лишь тирания и произвол. Письмо матери недаром заканчивается словами: «Молишься ли ты Богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благость Творца и Икупителя нашего? Боюсь я, в сердце своем, не посетило ли и тебя новейшее модное безверие?»

[Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 34]. Это *новейшее безверие* героя выражается в игнорировании им любых старых законов, сковывающих его волю. Характерно, что даже на требование заплатить наделанные им долги, предъявленное ему в полицейской конторе, Раскольников (про которого в самом начале романа сообщается, что «он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5]) отвечает: «Да я... никому не должен!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 77].

После первоначального перечисления Раскольниковым шести великих законодателей в пятой главе третьей части романа (первая встреча с Порфирием) в дальнейшем тексте будут снова упомянуты лишь трое из них (Ликург, Магомет и Наполеон), что уже подчеркивает их особенную важность для истории главного героя. Язвительный Порфирий Петрович иронизирует над теорией о великих людях, которым разрешается совершать преступления: «Ну как иной какой-нибудь муж, али юноша, вообразит, что он Ликург али Магомет... – будущий, разумеется, – да и давай устранять к тому все препятствия... Предстоит, дескать, далекий поход, а в поход деньги нужны... ну и начнет добывать себе для похода... знаете?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 203]. Соль шуток Порфирия состоит еще и в том, что, с одной стороны, Ликург был известен тем, что «отобрал имение у всех своих сограждан и разделил оное между ними на равные части» [Кайданов, 1817, с. 45], а примерно так и рассуждает Раскольников, когда решается «перераспределить» имущество старухи. С другой стороны, Ликург убрал из употребления среди спартанцев золото и серебро (т.е. удобные для обмена наличные деньги), считая их «главной причиной всех пороков» [Шиллер, 1957, с. 413], [Золотые стихи Пифагора, 2017, с. 203]; тогда как Раскольников, начиная с идеи облагодетельствования человечества, заканчивает банальным убийством и грабежом.

При этом упомянутые Раскольниковым законодатели и установители человечества не существуют для него изолированно друг от друга, но как бы соединяются все вместе в завершающем перечень мифологическом имени Наполеона, вбирающем их все в себя и освещающем их собственным светом. Мне уже приходилось подробно писать о присутствии в романе историко-культурного сращения «Наполеон – Магомет» [Подосокорский, 2022а, с. 92–

114], проходящем через многие литературные и мемуарные произведения первой половины XIX в., но это же, в той или иной степени, касается и наложения наполеоновского мифа на другие легендарные имена, и, прежде всего, на имя реформатора Спарты Ликурга, время активной деятельности которого И. Ньютон в своей «Хронологии древних царств» (1728) относил к самому концу VIII в. до н.э. [Ньютон, 2007, с. 71]. Еще когда Наполеон был первым консулом Французской республики, публицисты охотно сравнивали его с Ликургом и Солоном. Н.М. Карамзин, в частности, писал во «Взоре на прошедший [1802] год», опубликованном в журнале «Вестник Европы»: «Если же мы, престав на минуту быть эхом иностранных крикунов, называемых журналистами, должны объявить собственное мнение о консуле, то скажем, что он, умертвив чудовище Революции, заслужил вечную благодарность Франции и даже Европы. В сем отношении будем всегда с удовольствием хвалить его, как великого медика, излечившего головы от опасного кружения. Пожалеем, если он не имеет законодательной мудрости Солона и чистой добродетели Ликурга, который, образовав Спарту, сам себя навеки изгнал из отечества!.. Вот дело героическое, перед которым все Лоди и Маренго исчезают! Через 2700 лет оно еще восплаяет ум, и добрый юноша, читая Ликургову жизнь, плачет от восторга... Видно, что быть искусным генералом и хитрым политиком гораздо легче, нежели великим, то есть героически-добродетельным человеком» [Вестник Европы, 1803, с. 79].

Даже когда Наполеон стал императором, такого рода сравнения не исчезли. Например, президент Сената Франции Н.-Л. Франсуа де Нёшато в своей речи в декабре 1804 г. говорил, обращаясь к Наполеону: «Если бы правление республиканское полезнее было для Франции, мы не сомневаемся, что вы взяли бы на себя труд дать нам оное; тогда мы предложили бы вам совершить сие великое дело, будучи уверены в том, что вы собственными годами пожертвовали бы пользе общественной. Мы знаем, что вы, подобно Ликургу, охотно согласились бы на добровольное изгнание себя из отечества, которое получило от вас мудрые законы» [Вестник Европы, 1805, с. 318–319].

О переходе от республиканского генерала Бонапарта к императору Наполеону как о цивилизационной смене Спарты Римом писал в самом начале своего сборника стихов «Осенние листья»

(1831) Виктор Гюго: «Ce siècle avait deux ans! Rome remplaçait Sparte, / Déjà Napoléon perçait sous Bonaparte...» [Hugo, 1831, p. 1].

За полгода до смерти в «Дневнике писателя» за 1880 г. Достоевский попытался сжато описать совсем иную, чем у Раскольникова, систему взаимоотношений великих людей с теми, кто обслуживают их творческую деятельность. Для героя «Преступления и наказания» велик тот *необыкновенный* человек, который возвышается над толпой и может (должен) при этом использовать ее как материал для достижения своих личных, амбициозных целей: «Потом я узнал, Соня, что если ждать, пока все станут умными, то слишком уж долго будет... Потом я еще узнал, что никогда этого и не будет, что не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить! Да, это так! Это их закон... Закон, Соня! Это так!.. И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет! Только слепой не разглядит!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321].

Для самого же писателя подлинное величие любого христианина заключалось в служении своему ближнему, но поскольку все люди разные по своим талантам, то и служение это может быть разного рода: «Слуги и господа будут, но господа уже будут не господами, а слуги не рабами. Представьте, что в будущем обществе есть Кеплер, Кант и Шекспир: они работают великую работу для всех, и все сознают и чтут их. Но некогда Шекспиру отрывать от работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И поверьте, непременно придет к нему служить другой гражданин, сам пожелает, своей волей придет и будет выносить у Шекспира ненужное. Что ж он будет унижен, раб? Отнюдь нет. Он знает, что Шекспир полезнее его бесконечно: “Честь тебе и слава – скажет он ему – и я рад послужить тебе; хоть каплей и я послужу тем на общую пользу, ибо сохраню тебе часы для великого твоего дела, но я не раб. Именно сознавшись в том, что ты, Шекспир, выше меня своим гением, и придя к тебе служить, я именно этим сознанием моим и доказал, что по нравственному достоинству человеческому я не ниже тебя нисколько и, *как человек тебе равен*”. Да он и не скажет этого тогда, уже по тому одному, что и вопросов

таких тогда не возникнет вовсе, да и немислимы они будут. Ибо все будут воистину новые люди, Христовы дети, а прежнее животное будет побеждено» [Достоевский 1972–1990, т. 26, с. 163–164].

Список литературы

1. *Акройд П.* Ньютон : биография : пер. с англ. – Москва : Альпина Паблишер, 2017. — 208 с.
2. Беседы императора. Мысли Наполеона о Христе / пер., вступ. ст., ред. и коммент. Л.В. Гусевой. – Москва : АиФ-Принт, 2001. – 237 с.
3. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / пер. З.Е. Александровой ; статья и примеч. Ф.А. Коган-Берштейн. – 2-е изд. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1962. – 238 с.
4. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. Ч. 2. – 1803. – № 1. – 333 с.
5. Вестник Европы, издаваемый Михаилом Каченовским. Ч. 19. – 1805. – № 4. – 346 с.
6. *Дорофеев Д.Ю.* Античные философы в православных храмах : истоки зарождения и причины распространения иконографической традиции // Визуальная теология. – 2020. – № 2(3). – С. 70–94.
7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1972–1990.
8. Золотые стихи Пифагора, объясненные и впервые переведенные в эвмолпических французских стихах, предваряемые рассуждением о сущности и форме поэзии у главных народов земли / пер. с фр. В. Ткаченко-Гильдебрандта. – Санкт-Петербург : Алетей, 2017. – 272 с.
9. *Ибн Хишам.* Жизнеописание Пророка Мухаммада, рассказанное со слов аль-Баккаи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиба (первая половина VIII века) / пер. с арабского Н.А. Гайнуллина. – Москва : Умма, 2007. – 656 с.
10. *Ирвинг В.* Жизнь Магомета / пер. с англ. П. Киреевского. – Москва : В Университетской типографии, 1857. – 290 с.
11. *Кайданов И.К.* Руководство к познанию всеобщей политической истории. – Санкт-Петербург : В типографии Иосифа Иоаннесова, 1817. – Ч. 1 : Древняя история. – 196 с.
12. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / изд. подгот. и примеч. сост. Ю.М. Лотман и др. – Ленинград : Наука, 1984. – 717 с.
13. *Касаткина Т.А.* Обзор II Международной научной онлайн-конференции ««Преступление и наказание» : современное состояние изучения» (Москва, 28 февраля – 2 марта 2023 года) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2023. – № 2(22). – С. 241–314.
14. *Кирпотин В.Я.* Избранные работы : в 3 т. – Москва : Художественная литература, 1978. – Т. 3 : Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. – 751 с.
15. *Ламартин А.* История жирондистов : в 2 т. / пер. с фр. Н.С. Кутейникова. – Москва : Захаров, 2013. – 496 с.

16. *Лас-Каз граф*. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне : в 2 кн. / пер. Л.Н. Зайцева. – Москва : Захаров, 2010. – Кн. 2. – 584 с.
17. *Леви А.* Душевные качества Наполеона // Повседневная жизнь Наполеона Бонапарт. Леви А. Душевные качества Наполеона. Массон Ф. Наполеон I в придворной и домашней жизни / пер. с фр. ; послесл. и коммент. В.Е. Климанова. – Жуковский ; Москва : Кучково поле, 2006. – С. 5–300.
18. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский / изд. подгот. Е.А. Андрущенко. – Москва : Наука, 2000. – 587 с.
19. *Наполеон III.* История Юлия Цезаря. – Санкт-Петербург : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1865. – Т. 1. – 465 с.
20. *Ньютон И.* Исправленная хронология древних царств. – Москва : РИМИС, 2007. – 656 с.
21. *Панченко Д.В.* Ликург – небесный покровитель Спарты // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 674–692.
22. *Печатнова Л.Г.* История Спарты : период архаики и классики. – Изд. 2-е, испр., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2020. – 635 с.
23. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 2 т. / изд. подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Наука, 1994. – Т. 1. – 702 с.
24. *Подосокорский Н.Н.* Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание» : образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2022а. – № 2(18). – С. 89–143.
25. *Подосокорский Н.Н.* «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2022б. – № 4(20). – С. 71–135.
26. *Радищев А.Н.* Сочинения / вступ. статья, сост. и коммент. В. Западава. – Москва : Художественная литература, 1988. – 687 с.
27. *Русский вестник.* – 1856. – Т. 5, сентябрь, кн. 2. – 228 с.
28. *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / пер. с англ. и примеч. А. Франковского ; вступ. статья А. Елистратовой. – Москва : Художественная литература, 1968. – 687 с.
29. *Суриков И.Е.* Солон и его время : в 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Академия Исследования Культуры, 2022а. – Т. 2. – 336 с.
30. *Суриков И.Е.* Политические деятели Древней Греции : в 2 т. – 2-е изд., испр. – Москва : Академический проект, 2022б. – Т. 1 : Эпоха формирования и расцвета полиса. – 653 с.
31. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон. Роман Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” в современном прочтении» : книга-комментарий. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Серебряный век, 2016. – 560 с.

32. *Троцкий Н.А.* Наполеон Великий : в 2 т. / подг. к публ. М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020. – Т. 1 : Гражданин Бонапарт. – 526 с.
33. *Уайт М.* Беседы с Исааком Ньютоном / предисл. Б. Брайсона ; пер. с англ. К. Льоренте. – Москва : Колibri : Азбука-Аттикус, 2022. – 112 с.
34. *Шеллинг Ф.В.* Философия мифологии : в 2 т. / пер. с нем. В.М. Линейкина ; под ред. Т.Г. Сидаша, С.Д. Сапожниковой. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013.
35. *Шиллер Ф.* Законодательство Ликурга и Солона / пер. А. Бобович // *Шиллер Ф.* Собрание сочинений : в 7 т. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – Т. 5. – С. 409–448.
36. *Шлоссер Ф.К.* Всемирная история : в 8 т. – 2-е изд. – Санкт-Петербург ; Москва : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1868–1877.
37. *Hugo V.* Les Feuilles d'automne. – Bruxelles : Louis Nauman et Comp, 1831. – 194 p.